

— Очнулся? Значит, пришел в себя. — Чу Мочэнь затушил окурок в пепельнице и подошел к кровати, разглядывая сидящего на краю Цзи Цина.

Цзи Цин засмотрелся на его широкую спину, погрузившись в воспоминания. Он даже не заметил, как Чу Мочэнь оказался прямо перед ним, и уж тем более не осознал, что его одежда распахнута, а пуговицы на груди расстегнуты, обнажая страшный шрам, который тут же приковал взгляд Чу Мочэня.

— Откуда у тебя этот шрам на груди?

Этот вопрос разрушил сладкие грезы, в которых он витал. Цзи Цин поспешно прикрыл грудь рукой. Боль от того, как когда-то живьем вырезали татуировку, вновь вспыхнула в его сознании.

Цзи Цин помнил, что уже рассказывал Чу Мочэню о происхождении этого шрама, просто тот ему не поверил. А теперь, когда Цзи Цин собрался повторить, Чу Мочэнь опередил его, выдав свою версию:

— Слышал, у тебя раньше была весьма бурная личная жизнь. Это подарок от какого-то мужчины? Или, может, ты вел себя неподобающе в тюрьме, и кто-то оставил тебе этот след?

Лицо Цзи Цина мгновенно побелело. Все слова застряли в горле, не в силах вырваться наружу.

— Не можешь придумать правдоподобного объяснения? Тогда впредь не смей попадаться мне на глаза с этим шрамом, он портит мне настроение.

Вот оно что...

Цзи Цин поначалу решил, что того и вправду мучает любопытство, а оказалось, что шрам просто мозолит ему глаза.

— Я понял.

С того дня Чу Мочэнь больше не появлялся дома. Едой и лекарствами для Цзи Цина занимался только Лан Юй.

Лан Юй, разумеется, не собирался быть любезным. Если у него было плохое настроение, он частенько забывал давать Цзи Цину лекарства вовремя. Поэтому за неделю Цзи Цин заметно исхудал. У него совсем пропал аппетит, а тело стало совершенно обессиленным.

В то утро раздался звонок от матери.

С тех пор как Цзи Цин исчез, мать, У Шаньшань, ни разу не звонила. Лан Юй, опасаясь, что случилось что-то важное, сразу же ответил.

Тон У Шаньшань был скверным:

— Цзи Цин, где ты пропадаешь? Почему тебя не видно дома уже несколько дней?

Где он? Он не мог сказать матери правду, поэтому решил потянуть время:

— Я нашел работу, в последнее время очень занят, вот и не заезжал.

— Ох, ну надо же было сказать матери. Кстати, что за работа? Как тебе удалось устроиться на такие хорошие условия? Мои долги все погашены. И еще, я тут познакомилась с одним неплохим мужчиной, хочу попробовать с ним сойтись. Он иностранец, так что, возможно, я на какое-то время уеду из страны. Только вот за тебя переживаю...

Цзи Цин как раз ломал голову, что ответить матери, и такие новости оказались как нельзя кстати.

— Мама, не дай себя обмануть, будь осторожна и присмотришь к нему получше.

У Шаньшань тяжело вздохнула, в ее голосе сквозила усталость прожитых лет:

— Я прожила полжизни, сама разберусь. Твой дядя хотел пригласить тебя на ужин, заодно попрощаться, у тебя будет время? Если нет, тогда поговорим, когда вернемся. Ладно, мне пора, у меня дела. Будем на связи.

У Шаньшань проговорила все это и повесила трубку. Она даже не подозревала, что, не узнав точного адреса сына, навсегда потеряет с ним связь.

Хотя У Шаньшань трудно было назвать любящей матерью, Цзи Цин испытывал перед ней глубокое чувство вины. Возможно, если бы он не попал в тюрьму и не опозорил семью Цзи, мать не выгнали бы из дома, а любовница отца не воспользовалась бы моментом.

Но время вспять не повернуть, и сейчас рассуждать об этом бессмысленно. Впрочем, даже если бы время можно было вернуть, Цзи Цин знал: он сделал бы тот же самый выбор. Ведь в его сердце всегда жил лишь один человек — Чу Мочэнь.